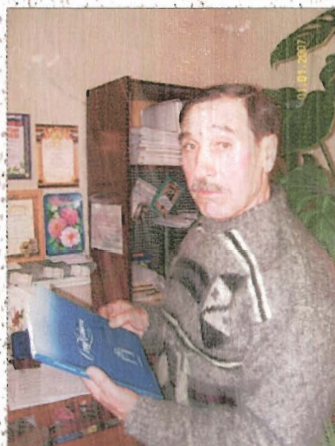

84РБК
Г94

Василий Гуляев

Максим - медвежий сын

поэма

Книжная серия
"Библиотека "Литературной газеты "ЛИК"
2010

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1

1954

Василий Гуляев

Максим - медвежий сын

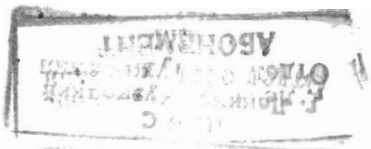
поэма

Городской библиотеке
им. Крупской в благодар-
ность о приеме и ува-
жении талантов.

Гуляев Василий.

27.11.2010г.

ББК 84Р6
Г 94

88693 (1)

Гуляев В.

Г 94 Максим - медвежий сын : стихи, поэма.
/Василий Гуляев. - Ленинск-Кузнецкий:
"Библиотека "Литературной газеты "ЛИК",
2010. - 52 с.

«Максим – медвежий сын» - это первая книга Василия Гуляева.

Неожиданно, что Василий Гуляев, взрослый человек, решил написать сказку. Хотя, если вдуматься: все мы вышли из детства – из мира сказок, добрых отношений и новых открытий. Картины детства не отпускают каждого человека всю его жизнь. А писатели, художники, музыканты и поэты эти картины восстанавливают на бумаге, на холсте, в музыке. Василий Гуляев – из их числа.

Книга читается с интересом. Она захватывает и ведет по своим страницам.

Поздравляю Василия Гуляева с выходом первой его книги. Желаю ему доброго пути в творчестве.

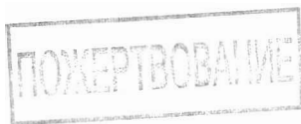
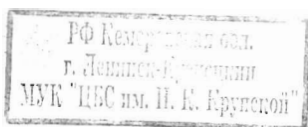
Член Союза писателей России -

Алексей Бельмасов

© Гуляев В., 2010

© "Литературная газета "ЛИК", 2010

© ОАО "Ленинск-Кузнецкая типография", 2010

Максим-медвежий сын

посвящается моему отцу

Жил в селе пастух Ерёма
По прозванию Кулёма,
Пас коней он и, порой,
Нас, мальчишек, брал с собой.
Мы ходили с ним в подпаски,
Он рассказывал нам сказки.
Пролетело много лет,
Уж давно Ерёмы нет
И село уже иное,
Только помню я ночное,
Помню сказки и для Вас
Расскажу одну сейчас.

1.

Стародавнюю порою,
Возле речки под горою,
На окраине села,
Стало быть, семья жила.
Назывался муж Игнатом,
Был на Насте он женатым,
Обходились, без затей,
Не послал им Бог детей.
Лапти плесть Игнат был мастер,
Поливала грядки Настя,
Тем и жили, как могли,
Дни без радости текли.

Как-то раз пошли селянки
В лес по грузди, по белянки,
Проходили под горой,
Настю кликнули с собой.

Та взяла корзинку в сенях
И отправилась со всеми,
А до леса им пути -
Только речку перейти.
Поначалу шли, галдели,
Даже песни звонко пели.
Стали грузди попадать,
Стали песни затихать.
По корзинке как набрали,
Так опять сходятся стали.
Постепенно, крик на крик,
И собрались, где родник
Пробивался у талины,
Тут и жажду утолили,
А когда достали снедь,
Спохватились - Насти нет.

По опушкам у полянок
Набрала она белянок,
Да заметила не вдруг,
Что отбилась от подруг.
«Бабы! Девки!», что есть силы
Долго Настя голосила:
«Отзовитесь! Ау!»
А смеркалося в лесу.
В кровь она избила ноги,
Не найдет назад дороги.
Стала, бедная, рыдать,
Да судьбу свою ругать:
«Горемычная ты, Настя,
Никакого в жизни счастья,
Ни достатка, ни детей,
Все не так, как у людей».
Шла она и причитала,
От усталости упала
И забылась крепким сном
Под калиновым кустом.

Опустилась тьма ночная,
Загадела тварь лесная.
Кто-то ухал, кто-то выл,
Кто-то смехом исходил.
Я слышал такое тоже,
До сих пор мороз по коже,
Ужас волос шевелит,
А вот Настя крепко спит.
Только надо же случиться
Там медведю появиться.
Утащил варнак её
В обиталище своё.
На краю большого лога
У него была берлога
На прогалине лесной
Под поваленной сосной.
Положил туда беднягу,
Вход закрыл большой корягой,
Сам отправился опять,
Видно, лакомство искать.

Жил он с маленьким сынишкой
Лопухим шалунишкой.
Мать-медведица весной
Не вернулась домой.
Неизвестно, что с ней стало,
Но в лесу она пропала
И воспитывать юнца
Стало участью отца.

Настя утром пробудилась,
Осмотрелась, удивилась:
Под землёй в норе лежит,
Медвежонок рядом спит.
Вдруг снаружи зашумело,
Прочь коряга отлетела,
Издавая рык и вой,
Прибежал медведь домой.

Он от пчёл так мчался скоро,
Те преследовали вора.
Вспух язык его и нос,
Соты с мёдом он принёс.
Настя так перепугалась,
Что и с жизнью попрощалась,
А когда в себя пришла,
Удивилась, что цела.
Как огромная колода,
Косолапый лёг у входа,
Спит, умаялся за ночь,
Невозможно выйти прочь.
Не от кого ждать подмоги
И пришлось ей жить в берлоге,
Медвежонка поднимать,
Заменив родную мать.

Так он к Насте привязался,
Не к медведю - к ней ласкался.
И она, уж, что таить,
Стала малого любить.
Сладкой ягодой кормила,
Спать с собой его ложила,
Избавляла от заноз,
Вытирала грязный нос.
Как с родным дитём водилась,
И однажды, вдруг, случилось
То, чего не видел лес -
Изменился сорванец.
В низ, от пояса к ножонкам,
Он остался медвежонком,
А от пояса и вверх
Стал совсем, как человек.
Рос отныне этот парень,
Словно тесто на опаре,
По людски привык ходить,
Научился говорить.
Ничего он не боялся,
На отце верхом катался,

А для Насти был, как сын,
Та звала его Максим.
В шкуры парня одевала,
И, тоскуя, рассказала,
Как жила она в селе,
В человеческой семье,
Как по праздникам, порою,
На поляне за рекою
Песни звонкие звучат,
Раздается смех девчат.
Материнские рассказы
Приглянулись сыну сразу.
Вот однажды ей Максим
Предложил: «Давай сбежим
К людям снова мы отсюда,
Я тебе опорой буду».
И решили сын и мать
От медведя убежать.

Рано утром, как обычно,
Тот ушел искать добычу
И они пустились в путь,
Чтобы время не тянуть.
До темна они бежали
И в дупле заночевали.
Только стало рассветать -
На ногах уже опять.
И с утра они, как прежде,
Бродят по лесу в надежде,
Но дорогу на село
Не отыщут, как назло.
Настя просит торопиться,
Вдруг медведь по следу мчится,
Только ей ответил сын,
Что готов сражаться с ним.
Вдруг Максим остановился
Возле пня, и удивился,

По нему провел рукой:
«Посмотри-ка, пень какой?»
Мать поближе подбежала,
Присмотревшись, отвечала:
«Тут пилой валили лес,
От того и ровный срез,
Вот ещё, да их здесь много,
Вот и старая дорога,
Поспешим скорей вперед».
Вдруг медведь, как заревет,
Он бежал, что было силы
И догнал беглянку с сыном,
Да не ведал только он,
Что мальчишка стал силён,
Что не думает сдаться,
А готовится сражаться.
Вот они на бой сошлись
И отчаянно дрались.
Но медведь не сладил с сыном,
Всё же сын его осилил,
Под себя сумел подмять,
Ожидал, что скажет мать.
Та медведя пожалела,
Пощадить его велела:
«Как-никак он - твой отец,
Пусть себе уходит в лес.
Мы с тобою, слава Богу,
Тоже вышли на дорогу».
Словом, солнце не зашло,
Показалось село.

Насте все вокруг знакомо,
Вот и дверь родного дома.
«Я узнаю наперед,
Как Игнат теперь живет.
Ты на улице останься, -
Говорит Максиму Настя,
И когда настанет срок,
Позову тебя, сынок».

Отворила робко двери,
А Игнат глазам не верит:
«Ты? Не может быть. Сама!
Не схожу ли я с ума?»
Уронил из рук он лапоть,
Не сдержался, начал плакать,
Крепко с Настей обнялись:
«Ну, рассказывай про жизнь».

Настя мужу рассказала,
Ни о чем не умолчала,
Что случилось, как жила,
И что сына привела.
«Он стоит пока за дверью
И хочу узнать теперь я,
Что мне делать? Как мне быть?
Пустишь ли с Максимом жить?»
Вот последние слова-то
Озадачили Игната.
Он сначала морщил лоб
И затылок молча скреб,
А потом махнул рукою:
«Жили двое, будем трое,
Как-нибудь да проживем,
Заводи парнишку в дом».

А Максим, проголодавшись,
Приглашения заждавшись,
Уж терпенье потерял
И овцу одну задрал.
Тут, открывши двери настеж,
Вышла радостная Настя:
«Ну, сыночек дорогой,
Будем жить мы здесь с тобой.
Вот мой сын». Игнат опешил:
«Шут возьми, вот это леший.
Да такой живьем сожрет» -
Думал он, разинув рот.

И не мог со страхом сладить,
На того с опаской глядя.

Здесь мы вкратце поясним -
Не красавец был Максим:
Кое как прикрытый шкурой,
С необычною фигурой,
Он прошёл, прогнувши пол,
Уронив при этом стол,
А потом сказал Игнату:
«Здесь, пожалуй, тесновато,
Лучше выйду я во двор,
Там свежее и простор».
«Нам в берлоге было хуже.
Я сейчас сготовлю ужин,
Поедим и ляжем спать» -
Попеняла сыну мать.
И взглянула виновато
На поникшего Игната.
Этой ночью тот не спал,
Все ворочался, вздыхал.

Рано утром, на рассвете,
Постучали в дверь соседи:
«Ну-ка, лапоть, открывай,
Да по правде отвечай:
Ту украл у нас овечку?
Хоть ты в краже не замечен,
Выходи и глянь на двор,
Получается, ты - вор.
Вот следы и шкуры клочья,
Да и печь топил ты ночью,
Мясо жарил, стало быть,
Тут уж нечего юлить.
До чего ты докатился,
Как жены своей лишился».
В толк не может взять Игнат,
Что соседи говорят?

Вышел, смотрит ошалело,
Наконец, смекнул, в чем дело.
И поведал он о том,
Что вернулась Настя в дом,
Что пришла из леса с сыном
И зовут его Максимом,
Видно, он задрал овцу,
А ругаться не к лицу.
Надо миром все уладить,
За урон он им заплатит.
Так на этот раз скандал
Дом Игната миновал.

Но известие о Насте
Разлетелось в одночасье,
Скоро все почти село
Повидаться с ней пришло,
На Максима подивиться,
Чтобы после небылицы
По округе разнести,
Раньше было то в чести.
С этих пор, как скот теряли,
Так к Игнату прибегали:
«Вот сегодня Ваш сынок
Нашу тёлку уволок,
А вчера у Митрофана,
Видно, он же съел барана».
Словом, лапотник Игнат
Уж и жизни стал не рад.
Ненавидел он Максима
И на то была причина.
Как говаривал народ,
Кто смекалистый - поймёт.

2

На реке за перевалом
Раньше мельница стояла,
И туда с окрестных сел
Рожь возили на помол.

Утекло воды немало,
Мукомольня обветшала
И давно уж черти там
Хороводят по ночам.

Сам Игнат придумал это,
Иль послушался совета,
Но на мельницу Максим
Был однажды послан им.
Как известно, у Игната,
В жизни не было зерна-то,
Наложил в мешки камней
В тайне от жены своей.
Где-то старую кобылу,
Да повозку раздобыл он,
Парня пальцем подозвал:
«Ты, сынок, уже не мал,
Поживее собирайся,
С порученьем отправляйся,
Отвезешь с зерном мешки
И попросишь, чтоб муки
Намолотил нам старый мельник,
Он растяпа и бездельник,
Не захочет, иль чего -
Ты прикрикни на него,
Он тогда помелет живо,
Поезжай неторопливо,
По дороге не зевай,
Да мешок не потеряй».

Потянула воз лошадка
И не валко и не шатко.
Сколь Максим не погонял -
Прыти ей не добавлял.
Светлый день уже кончался
И Максим с трудом добрался
До забытой водяной
Старой мельницы пустой.

Но никто его не встретил,
Лишь скрипел дверями ветер,
Да мышей летучих рой
Шелестел над головой.
Вдруг, откуда-то из мрака,
Визгнув, прямо, как собака,
Появился старый чѣрт:
«Всех селян наперечѣт
Знаю я в округе этой,
Всех держу я на примете,
Но никто уже давно
Не возил сюда зерно.
Ты откуда прикатился
И зачем сюда явился?»,
Задал парню чѣрт вопрос.
«Ты, я вижу, мхом оброс
Здесь от старости и лени,
Не испытывай терпенье
Ждать и слушать пустяки.
Намели-ка мне муки»,
Приказал Максим, сердчая,
Чѣрта мельником считая.
Тот схватился за живот
И оскалил смрадный рот.
До упаду чѣрт смеялся,
Род его вокруг собрался
И с веселостью тупой
Хохотали всей толпой.
Старый чѣрт сказал Максиму:
«Здесь твою душонку вынут,
В преисподнюю снесут,
Самого живьем сожрут».

Но Максим был малый смелый,
Хоть и в драках не умелый,
Проучить решил чертей,
Чтоб не трогали людей.
«Ах ты, старый пень трухлявый, -
Ухватил он беса правой

За копыто, - я сейчас
Поучу порядку вас,
Кой кого поизувечу»...
И пошёл лупить он нечисть
Сей дубиною живой.
Тут такой поднялся вой,
Черти стали разбегаться,
Старый бес вопил: «Поганцы,
Не бросайте старика,
Образуйте мужика!»
Черти кубарем летели.
«Чтобы все вы околели
Сколько вас на свете есть!
Ишь, меня хотели съесть,
Подавились бы, уроды,
Это Вам не в реках воды
Наши чистые мутить».
Черт пощады стал просить:
«Отпусти меня. Помилуй.
Вот, клянусь нечистой силой,
Я тебе на свете том
Буду вечным должником,
А пока ты жив на этом».
«Ладно. Только до рассвета
Намелите мне муки,
Да заполните мешки.
Звать тебя я стану свистом,
И попробуй не явиться,
Коль услышишь, что свищу -
Под землёю отыщу”.
Черти мельницу пустили
И к помолу приступили,
А потом на перевал,
Как Максим им приказал,
Затянули воз с мешками.
Он их всех ещё пинками
Напоследок угостил
И в селенье покатил.

Заташил мешки он в сени,
Сам улегся спать на сене,
Притомился как-никак,
Да храпел при этом так -
Люди уши затыкали,
А потом в селе узнали:
Слышать стал столетний Прон,
Уж давно глухим был он.

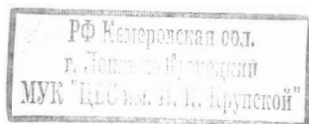
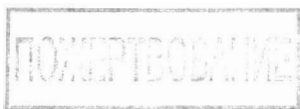
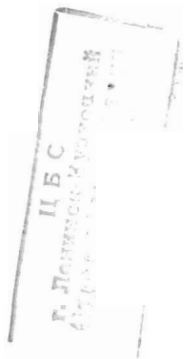
Стал Игнат кумекать снова,
Как от сына неродного
Всё ж избавиться ему,
Да придумать самому-
Мудрено. Но, как ведётся,
Коли блажь в башку вобьётся,
То её уже потом
И не вышибешь колом.
Как-то старый Прон в беседе
Рассказал своим соседям,
Что в окрестностях села
Ведьма местная жила.
Чтоб наслать кому-то горя,
Или порчу, или хвори,
При проклятии каком
Обращались к ней тайком.
Ведьмин домик в глухомани
Раньше видели селяне,
Но туда уж много лет,
Как зарос последний след.
Вот Игната эти вести
Аж подбросили на месте.
Он к Максиму: «Ты, сынок,
Забери сходи должок,
В том лесу живет старуха,
Да глуха на оба уха,
Говори погромче с ней.
Сплел ей дюжину лаптей,
А она за них не платит,
Я смекаю, ждатель-то хватит,

Захвати с собой мешок,
Пусть она отдаст должок».
И Игнат, довольный делом,
Вышло так, как захотел он,
Лоб себе перекрестил,
Лапти сел свои плести.

А Максим шагал по лесу,
Распевая громко песни,
Вынул пташку из силков,
Спас зайчишку от волков,
Вывел лося из ловушки,
Западню одну разрушил,
Буреломы огибал,
Вдруг, лачугу увидал.
Почесав слегка макушку,
Обошел вокруг избушку,
Нет ни окон, ни крылец,
«Ну, - подумал он, дворец,
Да жива ль его хозяйка?
Эй, бабуся, вылезай-ка!».
«Это кто ещё такой
Потревожил мой покой? -
Заскрипел старухин голос -
Я ко сну уже готовлюсь,
И кого лешак припер?
Погоди, сниму запор».
Ведьма двери отворила.
“Ого-го. Вот это рыло, -
Удивляется Максим
И кричит - Я - Настин сын.
А к тебе отправил батя.
Ты почто же долг не платишь?”
“И чего ты так орешь?
Ох, уж эта молодежь!
Ты уважил бы старушку,
Да зашел ко мне в избушку,
Чем кричать через порог,
У меня в печи пирог,

Угощу с дорожки чаем,
 Я гостей ведь привечаю».
 Лишь в избушку влез Максим,
 Ведьма сразу дверь за ним
 На запор. «Ну вот, голубчик,
 Ты сейчас сполна получишь,
 Что искал в моем лесу.
 Шёл на чай - попался в суп.
 Разговеемся на старость».
 И довольно рассмеялась,
 Обнажив свои клыки
 И сжимая кулаки.
 Стало гостю сразу жарко,
 Он с тоской подумал: «Жалко,
 Дверь закрыта на запор,
 Мне бы выскочить во двор,
 Там бы мог я размахнуться,
 От удара увернуться,
 А в избушке мне хана».
 Тут трухлявых три бревна
 Он в стене ногой нарушил,
 Да и выскочил наружу.
 Вот такие пироги
 У приветливой карги.
 Заглянув на чай к кому-то,
 Вспомни сказку на минуту:
 Каждый может пригласить -
 Не со всяким можно пить.

На просторе длился бой их,
 Истомил в конец обоих,
 Но Максим, хоть был удал,
 Силы больше потерял.
 Рано радовалась ведьма,
 Вдруг раздался рык медведя,
 То Максимов был отец,
 Он за сына в драку влез.

Лось спасённый появился,
На колдунью навалился,
Но упрямая карга
Лосю вырвала рога.
Вспомнил тут Максим о чёрте -
У чертей-то он в почете.
Свистнул громко, в тот же миг
Перед ним и чёрт возник.
Так они все вместе живо
Сбили ведьме нрав строптивый,
Отдала она должок -
Полный деньгами мешок,
Поделилась припасом,
Напоила парня квасом,
Оставляла ночевать,
На скрипучую кровать
Лечь Максиму предлагала
И со страху все икала.
Только он мешок забрал
И обратно пошагал.
До сих пор молва в народе -
Ведьма та с фингалом ходит,
Может, кто-то и соврал,
Только я не проверял.
Сна Игнат с тех пор лишился,
На судьбу он разозлился,
Бросил лапти свои плетть,
Перестал и пить и есть.

А Максим в плечах раздался,
В старый дом не помещался,
И теперь порой ночной
Спал снаружи под стеной.
Понял он, что пред Игнатом
Будет вечно виноватым,
Хоть и любит мать свою,
Но принес разлад в семью.

А поскольку был он гордым,
То сказал однажды твердо:
«Я один не пропаду,
Навсегда от вас уйду.
Вы вдвоем себе живите,
В путь меня благословите,
Посмотрю на белый свет,
Что в нем есть, чего в нем нет».
Настя сильно горевала,
В путь Максима собирала,
Ну а лапотник Игнат
Не опишешь, как был рад.
Он на ведьмины деньжонки
Справил парню одежонку,
Шапку сшил и лапти сплёл.
Лишь бы только тот ушел.
А Максим не мешкал долго,
В баньке выпарился только,
Взял в дорогу сухарей,
В пояс матери своей
Возле дома поклонился,
Да с сельчанами простился
И, напившись квасу власть,
Он пошел, неторопясь.

С любопытством негасимым
Мы отправимся с Максимом,
Пусть и Настя, и Игнат
Нас за это не бранят,
Остаются жить у речки,
Впредь о них не будет речи,
А медвежий сын Максим,
Что ж в пути случится с ним?

3.
Затянув потуже пояс,
Ни о чем не беспокоясь,
Миновав немало сел,
Он спокойным шагом шел.
Как-то в сумерки под вечер
От пролеска недалече,
У развилки двух дорог
Он приметил костерок.
Лёгкий дым по ветру вился,
Подойти Максим решился.
Там, негромко говоря,
Грелись три богатыря.
Подошел он к ним неспешно,
Поздоровался, конечно,
Попросился у огня
Посидеть остаток дня.
«Что ж, садись, обогревайся,
Чем богаты—угощайся,
Окажи нам, путник, честь,
Да скажися, кто ты есть?»
Он степенно поклонился,
Как умел, перекрестился,
На колоду с ними сел.
Поначалу молча ел,
Но потом разговорился,
Кто таков и где родился,
Все поведал, не таясь,
И насмешек не боясь.
«Ну а вы куда бредете?
Кто такие? Чем живете?
Разрешите вас спросить».
«Если правду говорить,
Не простые мы бродяги,
Что без чести и отваги
Здесь слоняются зазря,
Нет, мы—три богатыря, -
Так один сказал Максиму, -
«Например, вот мне под силу

Мановением руки
Воду моря и реки
Повернуть, сдержать, раздвинуть
Всю до дна иль половину.
И меня за это тут
Богатырь Вода зовут».
«Ну а мне, коль будет надо,
Лес дремучий не преграда,
Стоит лишь рукой взмахнуть
И готов сквозь чашу путь.
Даже сосны вековые
Отступают, как живые,
И зовут меня окрест
Богатырь с приставкой Лес».
Так другой сказал бродяга,
Запихнув в костер корягу.
«А меня еще с утра
Называли все Гора, -
Так представился Максиму
Самый старший, грея спину
Возле жаркого огня, -
Ведь на свете для меня
Гор покуда неизвестно,
Чтоб не смог их сдвинуть с места.
А идем мы в стольный град,
Царь, считаем, будет рад
Нас принять в свою дружину,
Чтобы всякого вражину
Усмирить, отвести беду».
«Можно с вами я пойду?»
«Ты, конечно, вышел ростом,
Но служить царю не просто,
Да и твой не бравый вид
Всей дружине навредит».
Убеждать взялись Максима.
Только тот неукротимо:
«Не возьмете, ну и пусть,
Сам в столицу доберусь».

И Максим с богатырями,
Поделившись сухарями
На ночевке у костра,
В путь отправились с утра.
На версте на двадцать пятой
Повстречался им глашатай,
Он немедля, тот же час
Огласил царев Указ:
«Царь с царицею в печали,
Дочек трех у них отняли,
Змей Горынычи гурьбой
Совершили сей разбой.
Не сберег царевен даже
Весь отряд дворцовой стражи.
Кто разбойников убьет,
Дочерей царю вернет,
Тот в наргаду, может статься,
И с царевной обвенчаться.
Всех, кто может меч держать
Призывают воевать».

Услыхав такие вести,
И царя представив тестем,
Стали тут богатыри
Оживленно говорить,
Что они любого Змея
Одолеть в бою сумеют.
Наш герой особняком
Их выслушивал молчком.
«Что, Максим, такой смиренный?»
«Иль не хошь царевну в жёны?»
«Иль не хошь царю помочь?»
«Да помочь-то я не прочь,
Дело в том—я безоружен,
Подходящий меч мне нужен,
Ведь с пустою-то рукой
Я вояка—никакой.
Нет, я голыми руками
Потягаться мог с чертями,

С ведьмой старой, хоть они
Кровожадны и сильны».
«Мы сейчас пойдем дорогой,
Здесь селенье недалеко,
Кузнеца я в нем знавал, -
Богатырь Вода сказал, -
Тот кузнец Семен по праву
Заслужил уменьем славу.
Он тебе изладит меч
Змеям головы отсечь».

Лес, Вода, Гора с Максимом,
Миновав густой осинник,
К старой кузне подошли,
Кузнеца того нашли.
Он раздул горно пожарче,
Раскалил металл поярче,
До вечерних петухов
Меч булатный был готов.
«Я, однако, не мальчишка,
Легковат в руке мечишко,
Пропаду в бою я с ним, -
Кузнецу сказал Максим, -
Вы пошире разойдитесь
И слегка поберегитесь».
И потом, что было сил,
Меч тот в небо запустил.
Не зажглись еще и звезды,
Зазвенел вечерний воздух,
Возвращался меч, Максим
Палец выставил под ним.
Меч о палец и разбился:
«Говорю, что не годился
Твой булат для ратных дел,
Я б покрепче меч хотел,
Чтоб во всю сражаться силу».
«Брата ты проси—Данилу, -
Отвечал кузнец, - вот тот
Нужный меч тебе скует».

Объяснил Семен назавтра,
Как найти дорогу к брату.
И туда богатыри
До вечерней шли зари.
По пути порасспросили
У прохожих о Даниле,
Те домишко кузнеца
Указали молодцам.
Был кузнец весьма толковый,
Просьбу понял с полуслова,
На ночь глядя, все равно
Он пошел, раздул горно,
Раскалил в нем заготовку,
Да и принялся за ковку
И к утру до петухов
Был заказ уже готов.
«Хоть, видать, старанья много,
Только меч, Данила, легок,
Змея этаким мечом
Не порубишь нипочем.
Сам же не минуешь смерти, -
Кузнецу Максим заметил, -
Ну-ка, шире разойдись!»
И клинок подкинул ввысь.
Долго тот не появлялся,
А к обеду свист раздался,
Возвращался меч, Максим,
Руку выставил под ним.
На десницу тот свалился
И в лепешку превратился.
«Да, - с тоской Максим изрек, -
Слабоватым был клинок».
«На меня вы не серчайте,
К брату старшему ступайте,
Звать Иваном, так вот тот
То, что надо вам скует, -
Посоветовал Данила,
Глядя в сторону уныло, -

А идти к нему дня три».
И пошли богатыри.

До Иванова домишки
Проводили их мальчишки.
«Братья шлют тебе поклон
И Данила, и Семен.
Вот просить тебя велели
Подсобить в серьезном деле,
Мне, Иван, необходим
Меч», - закончил речь Максим.
«То задача не простая,
Вы с дороги, зная, устали,
Отдохните, а потом
Утром в кузницу пойдем, -
Отвечал Иван Максиму, -
Одному мне не под силу
Богатырский меч ковать
Ты мне будешь помогать».
Поутру взялись за дело,
Наковальня зазвенела,
Искры сыпались дождем,
Пот по лицам тек ручьем.
Был **тяжел** кузнечный молот,
Был **Максим** силен и молод,
Настоящим кузнецом
Был **Иван, и в грязь** лицом
Не ударил. Меч, что надо,
Отковал не за награду,
А на зло врагам, и им,
Хоть доволен был Максим,
Все ж затеял испытанье,
Кинул вверх - и в ожиданьи
Расспросил пришедший люд,
Где Горынычи живут?
И услышал он от старца:
«Те живут в подземном царстве,
Но проникнуть в царство то
Не сумел еще никто.

Вход в него закрыт горою,
Диким лесом и рекою.
Реку ту не пронырнуть,
Лес и гору не смахнуть.
Вход лишь Змеи открывают,
На разбой когда летают,
И тогда дрожит земля,
Никнут травы на полях,
И качаются деревья», -
Так поведал старец древний.

Вдруг раздался страшный гром,
Все попадали кругом,
Но Максим не шелохнулся—
Это меч назад вернулся,
Лапоть лишь ему рассек
И воткнулся весь в песок.
«Что ж, Иван, твой меч гонится,
Можно им со Змеем биться!».
Попрощавшись с кузнецом
И со всем его селом,
Поспешил Максим с друзьями
Славными богатырями
Царство Змеево искать
И царевен выручать.
Чтоб под землю опускаться
И обратно подниматься
Запасали впрок они
Сыромятные ремни.
Шли герои наши скоро,
Наконец пришли под гору,
Рядом темный лес стоит,
А вокруг река бежит.
«Вот оно, то место, братцы,
Только как туда добраться?»
Сокрушается Максим,
«Ну ка, дайте поглядим» -
Богатырь Вода пучину,
Поднатужившись, раздвинул,

И промеж кипучих вод
Получился вдруг проход.
И увидели герои,
Что скрывалось под водою:
То русалок хоровод,
То с сокровищами грот,
То невиданные твари
В отдаленье проплывали,
То рыбешки всех мастей,
То обломки кораблей.
Вышли на берег сухими,
Потекла река за ними.
Ни обуток ни порток
Им не вымочил поток.
Но еще перед горою
Темный лес стоял стеною,
Возвышаясь до небес.
Богатырь, который Лес,
Подошел к нему вплотную,
Сунул руки в тьму густую,
Поднапрягся, что есть сил,
Через лес проход открыл.
Лишь деревья расступились,
Молодцы вперед пустились
Пробираться поскорей,
Озираясь на зверей.
И лисицы, и куницы,
И неведомые птицы
Попадались им не раз
И скрывались быстро с глаз.
Выйдя из лесу, герои,
Оказались пред горою.
Богатырь Гора идет
Открывать под землю вход.
Упирался долго в гору,
Да ему, видать, не в пору,
Попросил богатырей,
Чтобы сдвинуть поскорей,

Но и с ними не под силу,
«Помогай» - кричат Максиму.
Только лишь когда Максим
Подошел на помощь к ним
И за гору ухватился,
Да покрепче навалился—
Закачался дикий лес,
Гром послышался с небес,
Рёв раздался камнепада
И гранитная громада
Отодвинулась, открыв
В подземелие обрыв.
«Вот, когда открыли крышку,
Можно сделать передышку. -
Произнес Максим, - потом
В подземелье спуск начнем».
Те втроем переглянулись,
Меж собой перемигнулись:
«Знаешь что, сказал Вода,
А зачем нам всем туда?
Мы промеж себя решили:
Под землю, как в могиле,
Тесно будет вчетвером,
Мы тебя сперва пошлем».
Лес продолжил: «Мы, конечно,
Тоже спустимся поспешно,
Если что, а так зачем
Опускаться сразу всем?»
«Мы сильны с богатырями,
Где тягаться Змеям с нами, -
Тут Гора заговорил, -
У тебя поменьше сил,
Но и ты их одолеешь,
Да не трусь, иди смелее».
«Хорошо, богатыри,
Хватит речи говорить,
Вы ремни прочней свяжите,
В подземелье опустите,

А уж после по ремням
Я туда спущуся сам.
Вы же их не вынимайте
И сигнала ожидайте,
Не вернусь через три дня—
Выручать пора меня.
А теперь начнем спускаться.
Не бывал в подземном царстве,
Но, да, думаю, и в нем
Как-нибудь не пропадем».

Сказку сказывать не трудно,
Лишь бы не было занудно.
Дальше речь пойдёт о том,
Что случилось потом.

4.
В Змей Горынычевом царстве,
Как и в нашем государстве
И моря, и горы есть,
И трава, и тот же лес,
Только как-то всё темнее
И вода в морях грязнее,
Всё иное, всё не так,
Солнце светит кое-как.
Путь Максим запоминает,
И заметки оставляет,
Вытирает шапкой пот,
Через заросли идёт.
Пробираясь меж кустами,
Он нашёл гнездо с птенцами,
Извиваясь из дупла
Ко гнезду змея ползла.
«Заступлюсь- ка я за крошек
И гадюку укукошу» -
Громко он проговорил,
Вынул меч и изрубил
Подколodную на части,
Раскидав куски по чаше,

Чтобы вместе не сползлись
И обратно не срослись.
Он с птенцами распрощался,
Отдохнуть, слегка собрался
Да изрядно, зная, устал,
Незаметно задремал.
Вещий сон ему приснился:
Как виденье появился
Стариченка - бос и сед,
Говорит Максиму дед:
«О тебе давно я знаю,
Кто таков, какого края,
Что не выучен робеть,
Но Горьнычей тебе
Победить, силенки мало.
На земле её хватало,
А сейчас ты под землей
И всему ты здесь чужой».
«Что ж, я зря сюда спускался?
Понапрасну меч ковался?
Ты мне, старче, дай совет,
Может, есть какой секрет?».
«Молодец, не загордился,
За советом обратился,
Что ж, Максим, запоминай:
Прямиком сейчас ступай,
Как тропинка оборвется,
Куст калины попадетя,
Съешь две ягодки с него,
На кусту их три всего.
Третью ягодку не трогай.
Там уже совсем немного
От калины отойдешь,
Змея первого найдешь».
И исчез старик убогий.
«Третью ягодку не трогай»,
Уходя напомнил он,
Вот и весь Максимов сон.

Он проснулся, в самом деле,
Различима еле-еле,
Вьется тропка перед ним,
Зашагал по ней Максим.
Шел не тихо, не торопко,
Привела к калине тропка
И алело средь ветвей
Лишь три ягодки на ней.
Съел он первую сначала—
Все медвежье в нем пропало,
Стал пригожим: «Ну и ну,
Съем-ка я еще одну».
Съел другую—у Максима
Втрое больше стало силы.
Он от радости забыл,
Все, что старец говорил,
Третью ягодку срывает,
Не разжёвану глотает,
И в подземном царстве том
В тот же миг ударил гром,
В небе молнии сверкнули,
Ветры буйные подули,
И Максим до плеч, как кол,
В землю-матушку вошел,
Голова одна снаружи.
«Ты зачем запрет нарушил,
Третью ягодку сорвал, -
Перед ним старик стоял
Тот, что снился, - столько силы
Ягодка в тебя вселила,
Что земле не удержать,
Ну, да что теперь ругать,
Коли в землю провалился, -
Дед к Максиму наклонился, -
На вот, выпей два глотка», -
И в руках у старика
Ковш с водицей появился,
Из него Максим напился,

Сделал ровно два глотка—
Вновь земля ему крепка.
Встал на землю, огляделся:
«А куда старик-то делся?
Снова сон? Похоже явь,
А пойду-ка дальше я».

Молодые быстры ноги,
Вскоре медные чертоги
Оказались перед ним.
Постучался в дверь Максим,
Дверь тихонько отворилась,
На пороге появилась
Старшая царева дочь:
«Уходи скорее прочь
Добрый молодец отсюда,
А не то придется худо,
Прилетит трехглавый Змей,
Ненавидит он людей».
«Я пришел со Змеем драться,
А не в бегство ударяться.
Ты, царица, не дрожи,
Перво-наперво скажи,
Где с дороги мне напиток,
Да полей воды - умыться,
И, конечно, если есть,
Дай мне что-нибудь поесть».
И царица уступила,
Напоила, накормила,
На пуховую кровать
Уложила отдыхать
Перед битвою Максима,
Свечку в спальне погасила
И уселась у окна
С рукоделием она.

Заклубились в небе тучи,
Закачался лес дремучий,

Возвращался лютой Змей
К милой пленнице своей.
Та к Максиму подбежала
И будить героя стала,
Только тот лежит, храпит,
Аж кровать под ним скрипит.
От волнения девица,
Позабыв, что держит спицу,
Уколола парня в бок.
Наш герой с постели - скок,
И за меч быстрее схватился,
Там же в спальне затаился,
А царевне наказал,
Чтобы вытерла глаза.
Змей вошел в свои чертоги,
Прочихался на пороге,
Головами повертел,
Громогласно заревел:
«Чую я змеиным нюхом
Тут мужицким пахнет духом!
Ты, царевна, не скрывай,
Кто тут спрятан, отвечай?»
Та сначала отпиралась,
Но в конце концов призналась,
Что пришел сюда Максим,
Что б в бою сразиться с ним.
Змей Горыныч стал смеяться:
«Ха-ха-ха! Со мной тягаться?
Кто осмелился? А ну,
Выходи-ка, я взгляну».
Тут Максим к нему и вышел:
«Я твой смех хвастливый слышал,
Ты смеяться погоди,
В чисто поле выходи,
Я мечом тебе, злодею,
Три твоих поганных шеи,
Так и знай, укорочу,
За царевну отомшу».

Выходили в чисто поле,
Чтобы выяснить на воле,
Кто останется живой
В жаркой схватке роковой.

У Горыныча три пасти
И во всех свои напасти:
Из одной—огонь палит,
Из другой—вода летит,
И еще из пасти третьей
Ураганный дует ветер,
А Максима уберечь
Может только крепкий меч,
Да мужицкая сноровка.
Вот он, сделав выпад ловкий,
С ветром голову отсек,
Хоть до пояса промок
И по пояс опалился
Так, что лапоть задымился.
Змей Горыныч жег и лил
И пощады не сулил.
Продолжалась долго битва,
Наш герой придумал хитрость—
Пробежал туда-сюда
И сошлись с огнем вода.
Незаметный в клубах пара
Отрубил за два удара
Две поганных головы.
Вытер меч о клоч травы,
Как косарь косу в деревне
И пошел сказать царевне,
Что Горыныча убил
И её освободил.
Та спасителю сказала:
«Я платочек вышивала,
Здесь горюя, под землей,
Так дарю его, он твой».
«Я, конечно, благодарен
За платок, что мне подарен,

Но еще ведь где-то здесь
Две других царевны есть».
«Там Горынычи сильнее
И убитого умнее,
Ведь голов, Максим, у них
Целых девять на двоих.
Лучше нам вдвоем спастись
И на землю выбираться».
«Разве можно убежать
И разбою потакать?
Должен вас я аккуратнo
Всех вернуть царю обратно.
Ты, царевна, не тужи,
Как найти сестер, скажи?».
Спорить с ним она не стала,
Путь-дорогу показала,
Слез не в силах удержать,
И осталась дожидать.

Привели Максима ноги
Под серебряны чертоги.
От костей вокруг бело,
Словно снегу намело.
Сразу видно: здесь обычно
Змей терзал свою добычу.
Был в отлучке этот зверь.
Стал Максим стучаться в дверь,
Дверь тихонько отворилась
И царевна появилась,
И пригожа, и нежна,
Но печальна и бледна.
Только гостя увидала,
Не стесняясь, зарыдала:
«Уходил бы ты скорей,
Четырехголовый Змей
Должен скоро воротиться».
«С ним-то и пришел я биться,
Он сказал спокойно ей,
Не печалься, слез не лей,

Проводи меня в чертоги,
Отдохнуть бы мне с дороги,
Да и голоден, коль есть,
Дай мне что-нибудь поесть».
И она его впустила,
Накормила, напоила,
Положила отдыхать
На пуховую кровать,
Погасила в спальне свечку,
А сама с тоской сердечной,
Пяльцы с вышивкой взяла
И к окошку отошла.
Заклубились в небе тучи,
Закачался лес дремучий,
Загремел тяжелый гром,
Стало пасмурно кругом.
Возвращался Змей с разбоя,
Дочка царская—в покои,
Чтоб героя разбудить
И о том предупредить.
Только знаем мы Максима,
Ей, бедняжке, не под силу
Богатырский сон смутить,
Что же делать, как тут быть?
Посильней она толкнула
И его случайно ткнула
Вышивальной иглой.
В раз проснулся наш герой:
«Ты иди навстречу зверю,
Я побуду тут за дверью,
Подожду пока чуток,
Выйду, как настанет срок».
В это время Змей ввалился,
У дверей остановился,
Головами закачал,
На царевну закричал:
«Чую я змеиным нюхом,
Тут мужицким пахнет духом».

«Ты, летая на разбой,
И принес тот дух с собой» -
Говорит царевна Змею.
«Что, я нохать не умею?
Мужиком-то пахнет здесь,
Признавайся, кто тут есть?»
Вот Максим к нему и вышел:
«Фу, да он чуть больше мыши,
Я сейчас одним шелчком
Справлюсь с этим мужичком».
«Ты, верзила головастый,
Раньше времени не хвастай,
Из чертогов выходи,
Да сначала победи,
Вот тогда и смейся вволю».
«Ладно, выйдем в чисто поле,
Я тебя и там, мужик,
Раздавлю в единый миг».

Выходили в чисто поле,
Чтобы выяснить на воле,
Кто останется живой
В жаркой схватке роковой.
«У тебя четыре пасти,
Лишь одна хорошей масти,
Три другие—ерунда:
Из одной бежит вода,
Из другой огонь клубится,
А из третьей ветер мчится.
Нет, четвертая нужней
И других она важней».
«Если молвить между нами,
Та башка полна камнями,
Что ж хорошего-то в ней?
Почему она главней?»
Стали головы ругаться,
Стал Максим к ним подбираться,
Изловчился под шумок
И одну из них отсек,

Ту, которая с камнями.
Змей другими головами
Стал соперника терзать,
Обливать, палить, сдувать.
Опаленный, мокрый, рваный,
Не смотря на боль и раны,
Ловок, быстр, крепка рука,
Одолел Максим врага.
Сунув в ножны меч булатный,
Он отправился обратно,
Успокоить дочь царя,
Не грустила чтобы зря.
Та от радости Максиму
Не сказала и спасибо,
Собралась тот час домой:
«Ты, Максим, пойдешь со мной».
«Нет, мне рано. Под землю,
Вас царевен было трое,
Двум свобода уж дана,
Но в плену еще одна.
Не подсказешь, где томится
Третья - младшая сестрица?»
«Ах, спаситель мой, у ней
Пятиглавый страшный Змей,
Ты его не одолеешь».
«Может, будет тяжелее,
Может, сгину без следа,
Все равно пойду туда».
И царевна отступилась.
«Вот, я вышивке училась,
Здесь томяся, под землей,
Ты возьми платочек мой».
Проводила до порога
И осталась ждать в чертогах.
Продолжает наш герой
Путь-дорогу под землей.

Быстры ноги молодые,
Вот чертоги золотые

Вскоре встали перед ним,
Постучался в дверь Максим.
Дверь в чертоги отворилась,
Дочка младшая явилась,
И красива, и нежна,
Словно красная весна.
Посмотрела на Максима,
Поклонившись, пригласила
И на руки полила,
И поесть ему дала.
Напоила, накормила,
А потом, вздохнув, спросила:
«Ты зачем пришел сюда?
Ожидает здесь беда.
Змей Горыныч пятиглавый
Учинит тебе расправу,
Это он меня, злодей,
Здесь упрятал от людей.
Добрый молодец, спасайся
И на землю выбирайся,
Просьбу выполни мою—
Передай поклон царю.
Ты утешь отца родного—
Дочки живы и здоровы,
Он тебя за эту весть
Наградит, окажет честь».
«Нет, совет твой не годится,
Я пришел со Змеем биться:
Или голову сложу,
Иль тебя освобожу».
«Как зовут тебя?», «Максимом,
За хлеб-соль тебе спасибо,
Я бы малость подремал,
Где у Вас тут сеновал?»
А царевна отвечала:
«Нет в чертогах сеновала,
Вот пуховая кровать,
Можешь в ней ты отдыхать».

Скинув старенькие лапти,
Задремал Максим в кровати,
А царевна прибралась,
Рукодельем занялась.

За окошком потемнело,
В поднебесье загремело,
Разразилась гроза,
Ураган валил леса.
Всюду молнии блестели,
Ходуном ходили стены,
По земле катилась дрожь,
Сыпал снег и лился дождь.
То Горыныч пятиглавый,
Он в подземном царстве главный,
После злых коварных дел
К юной пленнице летел.
Та к Максиму поспешила,
И трясла, и тормозила,
Спал, похрапывая, он,
Богатырский крепок сон.
Плачет юная царевна,
Змей Горыныч непременно
Порешит богатыря,
Пропадёт ведь парень зря.
Над Максимом наклонилась
И ему на грудь скатилась
Изумрудная слеза,
Богатырь открыл глаза.
Глядь, царевна вся в тревоге
«Что, Горыныч на пороге?
Ты не бойся ничего
И иди встречай его».
Змей, спеша в свои чертоги,
Промахнулся на пороге,
Наклониться позабыл,
Да три носа и разбил.
Разозлясь, ногою топнул
И дверями громко хлопнул,

У порога на пол сел
И носами завертел.
«Чую я змеиным нюхом,
Тут мужицким пахнет духом.
У тебя, царевна, здесь
Не иначе кто-то есть?»
А царевна отвечала:
«Никого не замечала
И в чертогах я одна
Вышиваю у окна.
Возвращаясь с разбоя,
Ты принес тот дух с собою».
Змей орет, не пряча злость,
«У тебя тут спрятан гость».
Вышел наш Максим ко Змею:
«Я, Горыныч, не умею
Со злодеями шутить,
Я пришел тебя убить».
Змей Горыныч стал смеяться,
Даже по полу валяться:
«Кто пищит там комаром?
Придавлю тебя хвостом,
Я чихну и ты, букашка,
Превратишься сразу в кашу,
Лапок твоих и то
Не найдет потом никто».
«Ты, с разбитыми носами,
Не хвались, с усами сами,
В чисто поле выходи,
Да сначала победы,
Каждой глупой головою
Рассчитаешься со мною
За царевну, за людей,
Тех, что ты сгубил, злодей».

Вот они на поле боя.
Змей Горыныч с похвальбою,
Что Максима победит,
То огнем его палит,

То водою поливает,
Или ветром с ног сшибает,
То гремучий камнепад,
Разбивая все подряд,
Извергает на Максима,
Хорошо, что чаще, мимо,
Потому, что наш герой
Тоже парень с головой.
Меч то тут, то там сверкает,
Змей крутить не успевает
Головами вслед за ним.
И уже отсек Максим
Ту, что камни извергала,
Но еще голов хвагало.
Змей орет, как паровоз,
Дует пятой, где мороз,
Чтобы меньше шевелился
И в ледышку превратился
Слишком прыткий молодец,
И тогда ему конец.
«Нет, мой час еще не пробит,
Воевать имею опыт», -
Про себя Максим твердит
И на месте не стоит.
Закружился возле Змея,
У того сплелися шеи
Четырех живых голов,
А Максим к тому готов,
Он две штуки отсекает,
Сам в сторонку отбегает,
Ведь еще не кончен бой.
Две—морозом и водой
Головы в Максима мечут,
Не убьют, так изувечат,
Но мороженный поток
Превратился вдруг в каток—
Сам же Змей и поскользнулся,
Тут Максим и подвернулся,

Меч сверкнул в его руке—
Змей остался налегке,
Без голов и без движенья.
«Вот и кончено сраженье, -
Спрятав меч, сказал Максим, -
Что ж, к царевне поспешим».

Возвратился он в чертоги,
Там царевна на пороге,
Перстенок с руки сняла
И спасителю дала.
«Вот, возьми мое колечко,
Как бы ни был ты далече,
Помни, всюду я с тобой
На земле и под землей».
«Что ж, - сказал девице парень,
За подарок благодарен,
Сохраню его навек,
А теперь пора наверх,
На свободу выбираться,
Здесь мне не с кем больше драться,
По дороге заберем
Двух царевен и пойдём».
Скоро сестры повстречались
Обнялись, расцеловались.
Дальше их повёл Максим
По отметинам своим.
Нарубил он прутьев длинных,
Сплел надежную корзину,
Привязал её к ремням,
Дал сигнал богатырям.
Те легко без проволочек
Поднимали царских дочек
И подальше от норы
Отводили до поры.
Поднимать Максима стали,
Половину уж подняли,
Тут Гора и говорит:
«Ведь царевен только три,

Нас сейчас здесь тоже трое,
А четвертый под землю,
Да и тот полумедведь,
Так чего же нам потеть,
Поднимать его стараться?
Мог ремень и оборваться,
Если ж вытащим его,
Царь из нас же одного
И оставит без невесты.
Под землей ему и место,
Обрежай, Вода, ремни,
Скажем—лопнули они”.

Вот ведь раньше что творилось,
В людях всякое водилось,
И коварство, и добро,
Скрытым было их нутро.

С высоты Максим свалился,
Чуть до смерти не разбился,
Руки, ноги поломал,
Покалеченный лежал.
И не выбраться наружу,
В небе низко птица кружит,
Как две тучи—два крыла,
Приземлилась, подняла
Искалеченное тело,
Взмыла ввысь и полетела,
Унося Максима в лес,
Что ж, герой наш не жилец?
Мы вперед не забегаем,
Опосля о том узнаем.

Три царевны, три сестры
Горевали у норы,
Что спаситель их разбился,
И просили, чтоб спустился
Кто-то из богатых
Выручать его скорей.

Те царевнам отвечали,
Что они в большой печали,
Другом был для них Максим,
Да ремни упали с ним,
Без которых опускаться
Даже нечего пытаться.
«Возвращаться нам пора
Всем к царю» - сказал Гора.
Об отце лишь услышали,
Две царевны перестали
О Максиме горевать,
Но меньшую не унять.
Плачет, словно на могиле,
Кое-как уговорили,
Что царевне не к лицу
Так реветь по молодцу.
И пошли они в столицу
Три царевны свет-девицы,
Храбрых три богатыря,
Чтоб обрадовать царя.

Пусть идут они в столицу.
Нам же время возвратиться
В подземелье, наш герой
Там пока еще живой,
Хоть изрядно покалечен,
Чудо-птицею замечен,
Та в гнездо своим птенцам
Притащила молодца.
А птенцы его признали
И мамаше рассказали,
Как Максим их прошлый раз
От змеи коварной спас.
Силой птичьей медицины
Исцелив от ран Максима,
Птица молвила потом
Человечьим языком:
«Долго я живу на свете,
Каждый год рождались дети,

Но крала их у меня
Подколотная змея.
Только в этот раз гадюка
Под твою попалась руку,
Прикажи, и в тот же час
Я исполню твой приказ». —
«Приказать тебе не смею,
Лишь желание имею:
Надоело под землей,
Наверх хочется, домой».
«Наверх? Наверх путь далекий
И совсем не самый легкий,
Через реку, через лес —
Это лишь в один конец.
Ладно, будем собираться,
Провиантом запасаться».
Птица мяса принесла
И Максиму отдала,
А потом сказала строго:
«Ты корми меня дорогой,
Обернуся — не зевай,
Сразу в клюв кусок кидай».
Не забыв перекреститься,
Сел Максим верхом на птицу
И наверх из-под земли
Птичьи крылья понесли.
Только птица клюв **разинет** —
Он ей мяса сразу кинет,
Но, однажды оплошал
И кусок один упал.
Обернулась снова птица
Напоследок подкрепиться,
А куска недостает,
Меч Максим тогда берет,
(А лететь еще далеко),
Руку левую по локоть
Он бесстрашно отрубил,
Ею птицу накормил.

Так они и долетели,
Наконец, к желанной цели.
«Не печалься, пустяки,
Что остался без руки, -
Говорит Максиму птица, -
Головы ты мог лишиться.
Вот перо мое, гляди,
Ты вперед за ним иди.
На проселочной дорожке
Упадет на подорожник,
Лист на рану приложи
И покрепче привяжи,
Спать ложись себе спокойно,
А проснешься вновь с рукою,
Не теряй из глаз пера,
Ну а мне назад пора».

5.

Вспоминая чудо-птицу,
Держит путь Максим в столицу,
И рука опять цела,
Вновь земля ему мила.
Долго пробыл под землею,
Лишь тоска грызет героя:
Почему друзья его
Не подняли самого?
А народ вокруг столицы
Поголовно веселится.
«Что за радость?», «Вот те раз,
Не слышал царев указ?
Дочки царские сыскались,
Под венец идти собрались».
«Царь любимых дочерей
За лихих богатырей
Выдает. Те их спасали,
Из неволи выручали».
«Государь указ издал,
Чтоб смеялся стар и мал.

Кто ж противится указу,
Тех в тюрьму бросают сразу».
«Так что, парень, веселись,
Слуг царевых берегись».

Вот пришел Максим в столицу,
Первый раз всему дивится:
Всюду церкви, терема,
А людей, ну просто тьма.
Вдоль по улицам несутся,
Лихорадочно смеются,
Вслух царя благодарят,
Да о свадьбе говорят.
Наступает день венча́нья.
Царь царевен со свечами
Под трезвон колоколов
К аналою был готов
Уж отправить, как пред троном
Вдруг предстал гусяр с поклоном:
«Прикажи мне, царь отец,
Перед тем, как под венец
Отправлять царевен красных
Рассказать под гусли сказку»
Попросил царя гусяр
И ему позволил царь.
Он охотник был до сказок,
А еще открою сразу,
Что сказитель перед ним
Был ни кто иной, Максим.
Он царю и государству,
Как попал в подземно царство,
Как Горынычей рубал,
Как царевен выручал,
Как обманут был друзьями
Он, тремя богатырями,
Как он теми позабыт,
Кто сейчас к венцу спешит,
Рассказал, не привирая,
Струны звонкие щипая.

Подивил честной народ
Молодой гусяр. - «Он врет! -
Женихи перепугались,
Повскакали, раскричались, -
В Божий храм идти пора!
Прочь гоните гусяра!»
«Что, друзья, и не признали?
Ах, да вы меня видали
Полузверем, не таким,
Только все же я—Максим».
«Вы не верьте пустомеле,
Пусть докажет всем на деле
То, что тут сейчас наплел,
Оскорбил он Ваш престол».
«Доказательства хотите?
Что ж, внимательно смотрите,
От царевен, от невест
У меня подарки есть.
Две—платочки подарили,
Позолотою обшили,
И любви своей залог
Третья—вот он перстенек».
Царь, конечно, стал гневиться,
Посадить велел в темницу
И троих богатырей,
Гусяра и дочерей,
Но с царевнами царица
Призвала не горячиться
И послушно царь отец
Воротил их во дворец.
Сам отправился в темницу,
Чтобы лично убедиться,
Что вина богатырей
Не легла на дочерей.
Он узнал без промедленья
Правду их освобожденья,
Кто, сражаясь под землей,
Настоящий был герой.

Чтоб очистить государство
От обмана и коварства,
Царь сослал богатырей
Не за тридевять морей,
А способности их помня,
Так - Гора в каменоломнях
Для дворцов гранит дробил,
На морях - Вода служил,
И приписан был навеки -
Лес к сибирской лесосеке.
Раньше, что ни говори,
Были мудрыми цари.
Он Максиму сделал милость:
«Коли так все получилось,
Дочку младшую мою
В жены я тебе даю!»

Пир на свадьбе был горою,
Оказался той порою
Я в столице. Сам видал,
Как честной народ гулял.
Там была закусочная масса,
Разливались реки кваса,
Мне наливали туесок,
Ох, и вкусный был квасок!

Максим-медвежий сын

Литературно-художественное издание

Василий Гуляев

МАКСИМ - МЕДВЕЖИЙ СЫН

поэма

Книжная серия
"Библиотека "Литературной газеты "ЛИК"

Изготовлено на компьютерном комплексе
"Литературной газеты "ЛИК"
г. Ленинск-Кузнецкий, пр-т Кирова, 108-3, тел. 7-47-53

Тираж 50 экз.

20 руб. = ЦЕНА
КОЛ.

Василий Гуляев

Родился 6 декабря 1949 году.

Первое стихотворение
опубликовал во время
службы в армии -
в армейской газете.

После службы
долгое время жил
и работал в Казахстане,
где печатал стихи
в газетах,
коллективных сборниках
и журналах.

Принимал участие
в ликвидации аварии
на Чернобыльской